

А. И. КУЗЬМИН

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДНОГО ПЛУТОВСКОГО РОМАНА В РОССИИ XVIII в.

Вторая половина XVIII в. в истории русской литературы отмечена становлением романа — жанра, чуждого классицизму. Изображение неприкрашенной повседневности жизни, интерес к судьбе индивидуума и противоречивые взаимоотношения человека с обществом, занимательность сюжета обеспечили роману большую популярность в демократической среде.

Известную роль в формировании оригинального русского романа сыграли произведения западноевропейской литературы. Наряду с большим количеством малохудожественных сочинений, не оставивших следа в истории литературы, в России были переведены произведения выдающихся писателей, различные по характеру и идейно-эстетическим достоинствам.

В 1775 г. в русском переводе появился роман «Жизнь Лазарильо с Тормеса». Говоря о лучших образцах испанского плутовского романа, В. В. Сиповский называет семь произведений и первым из них ставит «Жизнь Лазарильо».¹

Плутовской роман был подготовительным этапом к раннему просветительскому роману XVIII в. «Из сферы фантастических подвигов героев и рыцарей, от искусственной буколки и пасторали, — писал о «Жизни Лазарильо» В. Г. Короленко, — читатель приводится в сферу действительной жизни».²

«Жизнь Лазарильо» была написана до 1559 г. Имя автора осталось неизвестным.³ В 1620 г. испанский эмигрант в Париже Хуан де Луна значительно переделал книгу и написал продолжение. В этой новой редакции «Жизнь Лазарильо» вновь была напечатана и переведена на итальянский, голландский и другие

¹ В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1. СПб., 1909, стр. 346.

² В. Г. Короленко. О литературе. М., 1957, стр. 314.

³ К. Н. Державин. Предисловие. — В кн.: Жизнь Лазарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения. Гослитиздат. М., 1955, стр. 3—4.

языки. В России это произведение было переведено с французского языка с изменениями, внесенными Хуаном де Луна. Об этом сказано в заглавии книги: «Жизнь и приключения Лазария Тормского, писанные им самим на гишпанском языке, с коего переведены на французской, ныне же с последнего на российский... Печатаны в Москве».

Перевел эту книгу В. Г. Вороблевский, крепостной человек Шереметьевых. Вороблевский занимался переводом как драматических, так и прозаических произведений. В выборе сочинений для перевода он сознательно ориентировался на «третьесословного» читателя.⁴

В истории несчастий и радостей слуги Лазария крепостного переводчика привлекла возможность познакомить русского читателя с образом смышленного, несколько лукавого, но всегда жизне-радостного человека «простого звания», скряги священника, монаха ордена милости, «ярого врага монастырской службы и монастырской пищи, любителя погулять на стороне», продавца папских индульгенций, «самого развязного, бесстыдного и ловкого торгаша». В книге «нет цельной и стройно развивающейся фавулы, — писал о «Жизни Лазарильо» В. Г. Короленко, — но несколько фигур (нищий слепец, каноник, продавец булл и чудотворец, нищий чудак и т. д.) отлиты из того прочного материала, который переживает века, сохраняя вечно интересные следы чисто народного юмора и неувядающего остроумия. Под средневековыми одеждами каждый век узнает в них своих близких знакомых».⁵

Во второй части книги — «Продолжении жизни и приключений Лазария Тормского», написанном Хуаном де Луна, были изложены дальнейшие приключения героя. Она не известна русскому читателю XX в. из-за отсутствия перевода. Между тем она представляет несомненный интерес, так как содержит острую критику основ феодального общества. Отправляясь в Индию в поисках счастья, Лазариль встретился с дворянином Алонзо Фанегада. Надменный испанский аристократ, кичившийся своим благородством, нагло обворовал своего слугу и тайно, под покровом ночи, исчез с его одеждой. «Предал я черту вора и рассказчика, — говорит Лазариль о дворянине, — который целую ночь продержал меня, болтал о своих богатствах, о великости своей особы и о происхождении своего рода».⁶ Зло высмеивались здесь

⁴ См.: А. И. Кузьмин. 1) Крепостной литератор В. Г. Вороблевский. — В кн.: «XVIII век», сб. 4, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 136—155; 2) В. Г. Вороблевский — переводчик «Анголы». — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 66—75.

⁵ В. Г. Короленко. О литературе, стр. 315.

⁶ Жизнь Лазария Тормского, ч. II. 1775, стр. 25.

нимые друзья Лазария — «прокурор безгласных дел», «стряпчий непотребных жен». «вахмистр». Они уговаривали Лазария начать судебный процесс с Лорензо — богачом, ставшим любовником жены нашего героя. До тех пор, пока у Лазария были деньги, эти «друзья» защищали его интересы и посадили в тюрьму богача.

Приметя «истощение» кошелька своего подопечного, эти «защитники» перешли на сторону богача и заставили «бедного Лазаря заплатить бесчестье последней рубашкою и выгнали его навсегда из города». ⁷ Людское зло преследует молодого человека. Оно дает читателю обильную пищу для горьких раздумий: стремясь заработать на кусок хлеба, Лазариль стал «крючником». Его нагло обманула продажная женщина, наградив пощечиной за то, что он оказал ей помощь. Лазариль работал у монаха; он думал, что старец из монастыря святого Франциска окажется более честным, но и здесь вместо обещанной платы получил удары «шелепом». «С того дня... — говорит Лазариль, — возымел я к сим толстым светским братьям такое омерзение, что когда их видел между прочими людьми, казались они мне как оводы между пчел». ⁸

Третьесловная литература этого времени только накапливала силы для решения проблемы социального романа, и перевод «Жизни Лазария Тормского» имел свое определенное значение. Эта книга была хорошо принята русским демократическим читателем и приобрела большую популярность. В немалой степени этому способствовал язык перевода. В. Г. Вороблевский сумел точно передать оригинал и вместе с тем успешно справился с рядом специфических трудностей перевода.

В книге имелось много пословиц и идиоматических оборотов. В некоторых случаях переводчик использовал привычный читателю разговорный язык. Например: «...pressé de la faim, qui comme on dit, fait sortir le loup du bois...» он переводит: «...побуждаем голодом, которой, как говорится, выгонит и волка из лесу»; ⁹ или «la faim aiguise l'esprit, comme le trop manger l'é mousse» (I, 13) он переводит: «голод поощряет разум, а многая пища его притупляет» (I, 59).

Многие выражения звучат вполне в духе русского языка: «...чувствуя деньги так, как мухи патоку, ни одного шага даром

⁷ Там же, стр. 63—64.

⁸ Там же, стр. 74.

⁹ La Vie et aventures de Lazarille de Tormes, écrites par lui meme... A Bruxelles, chez George de Backer, 1701, part I, стр. 94; «Жизнь и приключения Лазария Тормского, писанные им самим...» печатаны в Москве, ч. I. 1775, стр. 89. В дальнейшем ссылки на эти издания даются в тексте; римская цифра обозначает часть, арабская — страницу.

не сделали» (II, 61) — «sentant l'argent comme les mouches sentent le miel, ils ne faisoient pas un pas en vain» (II, 76); «... с тех пор как завелись у меня денежки, то умножились они, как мухи около сметаны» (II, 59) — «depuis que j'avois de l'argent, ils s'étoient multipliez comme les mouches avec le fruit» (II, 72); «беда родит беду» (II, 6) — «un malheur ne vint jamais seul» (II, 8).

Сохраняя близость к оригиналу, Вороблевский прибегает иногда к церковнославянизмам: «... наг родихся, наг и изыдох, не нашед и не потеряв ничего» (II, 65) — «je suis né nud, nud je me trouve, sans avoir perdu, ni gagné» (II, 79).

Стремясь придать своему переводу большую яркость и выразительность, Вороблевский иногда, против своего обыкновения, отступает от буквального следования оригиналу и использует разговорные обороты и пословицы, например: «... более тот успевае, кому бог помогает, нежели кто пот проливает» (II, 129) — «plus avance celui que dieu aide, que celui qui se leve de grand matin» (II, 152); «чтоб по одежке протягать и ножки» (II, 115) — «pour ne pas plus étendre les jambes que la couverture» (II, 135); «как черт ладану бегал» (II, 44) — «... comme le diable l'eau bénite» (II, 56).

В некоторых случаях, встречая французскую пословицу, Вороблевский совсем отказывается от ее точного перевода, очень удачно находя аналогичную по смыслу русскую пословицу. Так, например, для выражения «J'ouvre les yeux à ce discours, comme celui qui y avoit le principal intérêt» (II, 105) он дает: «При сем разговоре открыл я глаза, как есть пословица: „знает кошка чье мясо съела“» (II, 87); «le bon tems ne dure pas toujours» (I, 160) — «не все коту масленица» (I, 149); «mieux vaut un tien que quatre tu l'aura» (I, 160) — «не сули журавля в небе, дай синицу в руки» (I, 149); «Riviere trouble, profit des pêcheurs» (II, 31) — «в мутной воде хорошо рыбу ловить» (II, 29); «il y a toujours trois lieues de mauvais chemin» (II, 187) — «как ни ворочай, одна нога короче (рассуждая о превратностях фортуны)» (II, 155).

В тексте встречается большое количество речений, придающих повествованию ярко-народный колорит: «Что сделалось с девкой и ее хахалем» (I, 43); «брюхо на нос лезет» (I, 45); «водили меня на своре» (I, 50); «соединиться с Волочайкой» (I, 59) — от «волочитной», т. е. женщиной, изменяющей мужу; «не забудет подмаслить» (I, 161), т. е. дать взятку; «расплодили дело» (I, 61) т. е. искусственно раздули судебную клевету; «я так взопрел» (I, 73) вместо «вспотел»; «отомстить этому залыге» (I, 85) — лжецу, вруну; «покуль» (II, 15), «сквернавцы» (II, 50); «подчиwania» (II, 84); монах-пустынный называется «старым гнилякой» и т. д.

Перевод В. Г. Вороблевского на протяжении многих лет успешно служил русскому читателю. «Жизнь Лазария» в XVIII в. выдержала 3 издания: первое — в 1775 г., второе —

в 1792 г. и третье — в 1794 г. Любопытно отметить, что в 1792 г. эта книга была издана под названием «Терпигорев».¹⁰ Новое имя, данное испанскому герою, показывает нам, в какой степени он стал близким русскому читателю.

¹⁰ См.: «Московские ведомости», 1792, 20—23 октября: «В доме гр. Николая Петровича Шереметева у библиотекаря Василья Вороблевского продается: вновь напечатанная книга, под заглавием Терпигорев, или Неудачная жизнь и странные приключения несчастного гишпанца Лазарилля Тормского, с его портретом и с 16 гравированными эстампами...». См. также у В. С. Сопикова: Опыт российской библиографии, ч. V, СПб., 1906, стр. 15, № 11781.